

ЭТНОЛОГИЯ

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 182–195

С. С. Пигарь

ПАТРОН-КЛИЕНТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ У АБХАЗОВ В XIX в.

В работе рассматривается характерный для традиционного горско-кавказского общества вариант реализации властных отношений, который предполагал тесное сотрудничество лидеров и подвластных и был альтернативой бюрократической структуре управления.

Ключевые слова: Кавказ, Абхазия, патронат, социальные отношения

Характерной чертой самобытной социально-политической структуры горских народов Кавказа в эпоху, предшествующую интеграции в состав Российской империи, было отсутствие строго иерархических форм подчинения и управления. В местном обществе не произошло окончательного отчуждения людей по имущественному, а равно и социальному признаку. Соответственно, власть не была отделена от населения: обособленные от общества самовоспроизводящиеся бюрократические институты управления и контроля и социальная категория чиновников отсутствовали. Поэтому решение всякой управленческой задачи вынуждало лидеров и массу населения к сотрудничеству.

В результате властные отношения в горско-кавказском обществе реализовывались в виде связи патрон-клиент, которая смягчала антагонизм между субъектом и объектом властных отношений, уподобляя их связи отца со своими чадами, что предполагало наличие обоюдных обязательств помощи и защиты.

В 60-х годах XIX в. было подмечено, что социально-политическая структура абхазского общества представляла собой нечто среднее между народовластием вольных горских сообществ Северного Кавказа и феодальной структурой соседней Грузии¹. Как переходная форма, абхазское общество суммировало ключевые особенности социально-политического устройства по обе стороны Кавказского хребта, демонстрируя ценный образец реализации властных отношений, присутствующих всему региону.

Источники, повествующие о социально-политическом устройстве Абхазии в XIX в., единодушно свидетельствуют о том, что население всякого территориаль-

Пигарь Степан Сергеевич — старший преподаватель Абхазского государственного университета.
E-mail: stepanpigar@mail.ru

¹ Черепов 2012, 156; Краевич 2012, 535.

ного сообщества (*акыта*), на которые делилась страна², состояло из двух надсловных категории: лидеров-покровителей (*ахылапшыю*) и народной массы, находящейся под их покровительством (*хипшы*): «Каждый союз (т. е. *акыта* — С. П.), несмотря на различие сословий... состоял из элементов покровительствующего и покровительствуемого. В абхазском языке эти понятия выражаются словами: *ахылапшыю* — патрон, покровитель, заступник и *хипшы* — состоящий под покровительством, подвластный, зависящий»³. Эти две категории не могли существовать по отдельности: они обозначали не социальную принадлежность или титул, а состояние людей относительно друг друга.

Институционально патрон-клиентская связь у абхазов оформлялась в виде родственной, квазиродственной⁴, соседской или персональной протекции, то есть в виде патриархальной связки старший-младший. Во взаимоотношения патрона и клиента привносился элемент родственной солидарности, порождая между ними обоюдные обязательства помощи, защиты и доверия. Причиной тому был ряд обстоятельств.

Первое из них заключалось в неполной институционализации власти в горско-кавказском обществе: отсутствовала возможность устанавливать явно асимметричные формы господства, когда слуга обязан господину всем, а тот избавлен от каких-либо ограничений и обязательств в отношении подвластного.

Второе обстоятельство выражалось в готовности людей и групп признавать над собой патронаж и соответственно принимать на себя определенные обязательства в обмен на защиту со стороны могущественного лидера, возможность вместе с ним пожинать плоды этого могущества и избежать агрессии с его стороны. В широком смысле это было обоюдное стремление лидеров и массы населения обратить социальный и политический потенциал друг друга себе на пользу через систему двусторонней связи: «Пользовавшихся известностью *ахылапшыю* признавали патронат нередко многие общины... В таких связях обе стороны находили свою долю выгод: *ахылапшыю* увеличивали влияние на дела края числом общин, состоявших под их покровительством... а *хипшы* в нравственном влиянии и той силе, какую располагали патроны для охранения безопасности каждого союза»⁵.

Третье обстоятельство — отсутствие формализованных механизмов обеспечения доверия — обуславливалось тем, что в рассматриваемом обществе не было ни строгой вертикали управления, ни зрелых рыночных отношений, порождающих представление о неотчуждаемой частной собственности. Посему не было жесткого распределения социальных ролей и кодифицированного права — свода четко сформулированных юридических норм, закрепленных письменно. В ситуации, когда отсутствовали какие-либо формализованные механизмы, позволяющие обременить человека долгом и ответственностью, только персональные связи и личные обязательства становились для всякого абхаза главной социальной гарантией от существующих угроз, а значит, олицетворяли надежность.

² *Акыта* — основная форма территориально-политического устройства Абхазии в XVIII–XIX вв. Это было самоуправляемое сословное сообщество, объединяющее ряд соседских сельских общин. Подробнее см.: Пигарь 2014.

³ Краевич 2012, 536.

⁴ Квазиродственные отношения — формы родства, посредством ритуала объединяющие людей, не связанных кровными узами, как то: молочное братство, аталычество, усыновление и удочерение.

⁵ Черепов 2012, 160.

Эти обстоятельства обусловили тот факт, что на практике власть в Абхазии реализовывалась в виде сотрудничества патрона и его клиентов, пусть и не одинаково выгодно обеим сторонам, но изначально предполагающего учет интересов каждой из них, пусть и в минимальной степени.

Сами эти отношения не были формализованы, то есть стандартизированы через официальные юридические процедуры. Господствовал личный, персонализированный характер отношений, предполагавший их широкую вариацию между господином и подвластным (т. е. патроном и клиентом). В каждом конкретном случае имел место оригинальный набор договоренностей и обязательств сообразно обстоятельствам жизни *ахылапшую* и *хипши*, их возможностям, социальному статусу, персональным качествам, принадлежности к какому-либо родственному или территориальному коллективу, готовому постоять за интересы «своего человека».

Показателем того, что патрон-клиентские отношения у абхазов были господствующим вариантом реализации властных отношений, явился их надсословный характер. Градация между *ахылапшую* и *хипши* определялась в первую очередь не принадлежностью к тому или иному сословию, а фактом реального общественно-политического преимущества одной персоны над другой в конкретных обстоятельствах. Этим объясняется всесословность категории клиентов: «Класс Хипши — покровительствуемых — представляет собою совокупность родов всех сословий... В этом случае кастовые отличия не имеют мест»⁶.

Надсословный характер патрон-клиентской связи смягчал и ограничивал разрыв между господствующей и подчиненной частями общества, ведь отношения такого типа «служат для повышения статуса индивида и его семьи в родовой, корпоративной, государственной иерархиях; эти же связи используются, чтобы... обеспечить известную свободу от обязательных правил и предписаний»⁷. Пронизывая общество множеством неформальных связей, патрон-клиентские отношения делали нечеткими границы между этими социальными общностями.

С выгодой для общества (его целостности и благосостояния) разрешался конфликт интересов между лидером, стремящимся возвыситься, закрепить достигнутое привилегированное положение, и людской массой, тяготеющей к однородности и равноправию, а значит априори настроенной враждебно к людям, жаждущим господства. В этом конфликте победа лидеров означала бы победу иерархического, вертикального варианта интеграции общества. Иной вариант, при котором побеждал горизонтальный, эгалитарный вариант, продемонстрировали, к примеру, горские общества чеченцев, ингушей и хевсуров. Там сложилась система поддержания классовой однородности социума через уничтожение наиболее социально активных индивидов, выделившихся своей славой и удалью. Ю. Ю. Карпов разъяснил ее суть тем, что «непомерно возраставшая слава индивида сулила оказать или уже осуществляла насилие над обществом (в плане нарушения баланса личных и коллективных интересов), и потому он подлежал физическому устранению»⁸.

⁶ Черепов 2012, 160.

⁷ Афанасьев 2004.

⁸ Карпов 2011, 123.

В сравнении с описанным абхазская практика опутывания лидера личностными связями и обязательствами по отношению к обществу предстает промежуточным вариантом между победой лидеров или людской массы. Вариантом более гуманным и рациональным, обрекающим лидера действовать не сугубо в своих личных интересах, привнося в общество хаос и отчуждение, но становиться ядром коллектива, пожинаящим плоды его социальной активности. Этот коллектив (сеть доверия) — вся совокупность людей, связанных с ним личностными узами истинного или формального родства, покровительства и соседства. Признавая и поддерживая лидера, такой коллектив использовал его как орудие для решения собственных задач, становясь равноправным и участником, и получателем результатов борьбы лидера за богатство и могущество, участником, который поглощал и распределял внутри себя значимую часть этих самых результатов.

В абхазском обществе политический и экономический капитал (могущество и богатство) были производными от капитала социального (репутация и широта личных связей), что делало последний основной целью борьбы за власть. Поэтому здесь патрон-клиентские отношения были не просто вариантом реализации власти, но, шире, способом обретения и упрочения авторитета через создание собственных сетей доверия. Специфика этих отношений такова, что порождает обоюдное воздействие, могущее ограничить рост благосостояния и могущества лидеров сетей: «доверие как социальный капитал — это не только социальная поддержка в виде разнообразных коммуникативных и деловых сетей, но и социальное принуждение в качестве своеобразной платы за данный ресурс...

Одна из форм негативного эффекта — обязательность взаимопомощи участников сети, что крайне обременительно для тех, кто находится в состоянии устойчивого успеха... Многочисленны примеры, когда успешные участники сетей опутаны просьбами и ожиданиями помощи со стороны менее успешных... Группа регулирует потоки взаимопомощи, ставя наиболее состоятельных членов сетевого взаимодействия перед выбором: превратиться в вечных «спонсоров» или порвать с группой»⁹.

Таким образом, патрон-клиентские отношения в абхазском обществе обеспечивали устойчивую двустороннюю связь, при которой лидеры укрепляли свое влияние на общество в обмен на возможность последнего абсорбировать долю результатов их борьбы за власть.

Особенность господствовавшего у абхазов варианта сетей доверия заключается в невозможности однозначно отнести его только к симметричному, основанному на реципрокции, или асимметричному, основанному на подчинении¹⁰, типу таковых сетей. Патриархальная связь двулика: предполагая старшинство господина над подвластным (т. е. иерархию), она одновременно уподобляет отношения между ними родственным связям, уравнивающим людей. Блокируя отчуждение между ними, такая связь делала невозможным жесткое публичное подчинение, размывая границы между выше и нижестоящими социальными общностями.

Это особенно было актуально для абхазов, у которых широко практиковалась реализация патрон-клиентских отношений в виде реального или фиктивного родства. Касалось это и соседства, поскольку в мировоззрении народа, живущего

⁹ Барсукова 2001, 57.

¹⁰ Барсукова 2001, 59.

замкнутыми территориальными сообществами, сосед не был в полном смысле чужаком, но чем-то средним между ним и родичем. Обращение с родственником и соседом как с людьми чужими серьезно дискредитировало человека в глазах общества, живущего традициями групповой солидарности. Такие отношения придавали процессу обмена услугами и ресурсами между патроном и клиентом характер реципрокции. Это была та самая обязанность взаимопомощи внутри сети доверия, о которой говорилось выше.

В итоге признаки симметричной и асимметричной сети доверия смешивались в структуре патрон-клиентских сетей у абхазов, делая их переходной формой. Как отмечал Л. Е. Куббель, патрон-клиентские отношения по определению представляют угрозу самостоятельности клиента как самостоятельного субъекта социальных отношений, поскольку «преимущества, которые получает зависимый, ощутимо-меньше тех, какие, приобретает тот, от кого он зависит; к тому же эта асимметрия проявляет неизменную тенденцию к нарастанию»¹¹. Однако же в абхазском случае складывается впечатление, что позиции обеих сторон патрон-клиентских отношений были сбалансированы таким образом, чтобы избежать усиления какой-либо из них, обеспечить постоянный *status quo*.

Чтобы выяснить, верно ли это впечатление, необходимо ответить на вопрос, являлись ли патрон-клиентские отношения у абхазов порождением кризиса традиционной социальной системы абхазов или его структурным элементом. С одной стороны, сама актуальность таковых отношений возрастает в обществе, где существующие социально-политические институты оказываются неспособны в полной мере обеспечить людям комфортную социальную обстановку¹². С другой стороны, патрон-клиентские отношения могут явиться не результатом кризиса общества, а его структурной особенностью, ведь «частные союзы защиты и покровительства в определенных условиях могут стать институционализированной формой управления... беря на себя определенные функции институтов публичной власти или даже полностью их замещаая», и тем самым «ограничивать произвол и развивать культуру договора»¹³.

Именно в этом обстоятельстве заключен ответ на поставленный вопрос: в доиндустриальных (традиционных) обществах «важнейшим социокультурным следствием патронажа следует признать слияние двух полюсов деревни, ее богатей и бедняков, в единую общину»¹⁴. Таковой всеобщей общиной, локализованной на определенной территории, было *акыта* – основная форма организованности людей в абхазском обществе, а коль скоро так, патрон-клиентские отношения были в нем не преходящим историческим явлением, но важной структурной функцией. Эта функция заключалась в сбережении всеобщего территориального сообщества *акыта* от распада на почве социальных противоречий, обеспечения мира и сотрудничества между низшими и высшими сословиями, между лидерами и подвластными.

Из этого следует, что патрон-клиентские отношения в абхазском обществе в XIX в. характеризуют не столько этап его эволюции, что упростило бы задачу

¹¹ Куббель 1988, 139.

¹² Wolf 1966, 18.

¹³ Афанасьев 2004.

¹⁴ Бобровников 2002, 207-208.

исследования, сведя ее к банальной идентификации по признаку отсталости-прогрессивности, сколько избранное направление этой эволюции. Это предполагает признание за всяким человеческим сообществом собственного оригинального исторического пути и его результатов. У абхазов избранное направление социально-политической эволюции вело не к отчуждению людей и созданию надобщинных структур господства и управления, а к универсализации общины, превращению ее в многофункциональную структуру, которая охватывала все стороны человеческого бытия на началах сотрудничества и взаимозависимости социальных групп.

Исходя из характера патрон-клиентских связей у абхазов в изучаемый период, можно выделить два варианта:

- а) в форме родства (реального или чаще фиктивного);
- б) в форме территориального или частного патронажа.

Первый вариант, основанный на категориях родового строя и потому, возможно, более ранний, был типологически ближе римской клиентеле, поскольку ядром таковых в обоих случаях выступали родственные и квазиродственные (к примеру, у абхазов — аталычество и молочное братство, у римлян — практика усыновления) связи. Второй тип, основанный на принципе территориальности и персонального служения, был ближе к институту вассалитета в феодальных обществах.

Родственные связи — один из важнейших и древнейших источников укрепления власти в горско-кавказском и, шире, традиционном обществе. Круг родичей неизменно служил ядром лидерского окружения как совокупностью людей, связанных с ним наиболее прочными и священными узами реального, биологического родства. Однако возможность расширения социальных связей посредством родственных уз ограничивалась естественными причинами.

Поскольку весомых альтернатив родству в горско-кавказском обществе не было, а «сама культурная традиция в доклассовом обществе транслировалась и осмыслялась в рамках семейных, т. е. опять-таки родственных» отношений¹⁵, данный способ сохранил свою актуальность. Это привело к тому, что принцип родства становится универсальной высоконадежной формой обеспечения социального доверия и, соответственно, «к искусственному конструированию родственных связей, к возникновению фиктивного родства»¹⁶. Так сформировались квазиродственные отношения, суть которых можно выразить следующей формулой: расширение родственной солидарности, предполагающей доверие и обязательство, за пределы круга биологических родственников.

Квазиродственные отношения оформлялись в виде аталычества или молочного родства, посредством которых скреплялись личные и групповые союзы (в том числе дипломатические) и умиротворялись конфликты, обеспечивалась культурная однородность общества и, что не менее важно, реализовывалась (в случае аталычества) оригинальная система воспитания. В социально-политической структуре горско-кавказского общества квазиродственные отношения предстают как «идеологическое оформление оказания доверия»¹⁷. Они позволяли ограни-

¹⁵ Куббель 1988, 117.

¹⁶ Куббель 1988, 117.

¹⁷ Косвен 1935, 57.

чить антагонизм и наладить сотрудничество между господствующей и подвластной частями социума.

Практика установления молочного родства использовалась в основном для умиротворения кровной вражды и упрочения дружеской связи, т. е. тут преобладали личностные мотивы, пусть зачастую и поднятые до масштабов династической дипломатии. В традиции же аталычества — взятии детей на воспитание в другую семью (такой воспитанник назывался у абхазов *ахупха*) — преобладала социальная подоплека. Неслучайно воспитанник передавался в семью человека либо более низкого, либо, что реже, равного социального статуса. Конечно, в постоянной свите каждого могущественного лидера всегда присутствовала молодежь — дети его подвластных, но статусом *ахупха* они не обладали. Практика аталычества отражала социальную иерархию: крестьяне брали на воспитание детей дворян, те — детей князей, а они в свою очередь стремились стать воспитателями (аталыками) детей удельных князей или даже самого владельца страны.

То, что в виде аталычества оформлялись властные отношения, вполне проявляется в обязательстве одаривать воспитанника и оказывать помощь в делах, лежавшем на крестьянах-воспитателях. Причем это обязательство служило одним из источников формирования регулярных повинностей в пользу правящего слоя¹⁸. Речь идет о «доле воспитанника» — приношениях, совершаемых воспитателями в пользу своего патрона-воспитанника в определенные дни года¹⁹.

Но следует помнить, что это были властные отношения патрон-клиентского типа, а значит, многое зависело от умения воспитанника и воспитателя извлечь выгоду из сложившихся между ними отношений. В одних случаях воспитанник мог широко эксплуатировать своих аталыков. В других случаях воспитатель обращившись со своим могущественным *ахупха* к себе на пользу, обретая влияние в обществе.

В качестве примера такового служит история крестьянина Джера Ахуба из с. Члоу, чей отец был воспитателем влиятельного князя Хабугу Ачба. Таким образом, они стали молочными братьями, что позволило Джери превратиться в посредника между князем и теми, кто искал его протекции: этот крестьянин на протяжении жизни получил порядка ста предложений установить молочное (фиктивное) родство²⁰. Потому инициатива зачастую принадлежала крестьянам — стоило лидеру продемонстрировать свою эффективность как покровителя, и «спрос» на него поднимался: «Пользовавшихся известностью ахылапшю признавали патронат нередко многие общины, усыновляя и принимая на воспитание детей и родственников патрона»²¹. Причем, как видим, статусом воспитателя (аталыка) мог надеяться как отдельный человек, так и группа — родственная (большая семья или фамилия) или территориальная (вся соседская община *ахабла-ацута* или даже территориальное сообщество *акыта* целиком), в рамках которых воспитывалось дитя. Наиболее четко функцию аталычества как способа для подвластных избежать тирании лидера и обернуть его силу себе на пользу выразил Ф. Ф. Торнау: «Бедные дворяне, крестьяне и рабы в Абхазии нашли хороший способ ограждать

¹⁸ Старосельский, Воронов 2012, 559.

¹⁹ Инал-ипа 1956, 88.

²⁰ Инал-ипа 1956, 78.

²¹ Черепов 2012, 160.

себя от притеснения сильных обычаем, существующим у князей и богатых дворян, — воспитывать детей своих вдали от родительского дома, принимая на себя эту обязанность, они вступают как бы в родство с родителями воспитываемых ими детей и пользуются их покровительством»²². На этот аспект аталычества обращал внимание М. О. Косвен: «Материал говорит преимущественно об аталычестве как порядке, существующем не в силу желания отдать детей на воспитание, а в силу стремления получить ребенка, стремления, доходящего вплоть до похищения»²³.

Как видно, патрон-клиентские отношения в абхазском обществе, вызванные невозможностью двух противоборствующих социальных сил, лидеров и подвластных, обойтись друг без друга, представляли собой не примитивную связку господин-слуга, а площадку социальной игры, на которой каждый из них — *ахылапшыю* и *хипшы* — стремился удовлетворить свои интересы за счет другого. Игра есть форма конкуренции, а она в свою очередь предполагает свободу воли и инициативу двух самостоятельных субъектов. А как раз яркая особенность патрон-клиентских отношений в том, что это управляемая форма родства, предполагающая определенную свободу выбора и инициативу сторон. Кровное родство не допускает личного выбора: человек должен быть верен своему родственному коллективу по факту рождения в нем и в этом смысле кровное родство — недобровольная форма корпоративности²⁴. Формальное же родство, в которое облакались патриархальные отношения между покровителем (*ахылапшыю*) и клиентом (*хипшы*), наоборот, предполагало момент осознанного личного выбора: человек сам решает, с кем и для чего ему породниться. А в сочетании с полипатронатом (см. ниже) такое родство, в отличие от кровного, представляло собой уже скорее добровольную форму корпоративности.

То же самое можно сказать и о другой форме патрон-клиентской связи у абхазов — территориальной. В стране с развитой практикой переселения согласие на проживание в рамках определенного территориального сообщества (*акыта*) автоматически означало признание над собой протекции ее главы — *ахылапшыю*. Человек мог переселиться в другое сообщество или остаться по собственному разумению, тем самым совершая акт признания или, наоборот, неприятия власти местного патрона.

Институт глав сообществ *акыта* (см. выше) представлял собой вариант патрон-клиентских отношений, но основанный уже на принципе территориальности. Будучи автономным самоуправляющимся объединением, помимо схода всех жителей по наиболее важным вопросам, *акыта* нуждалось в постоянной властной субстанции, которая бы олицетворяла и постоянно воплощала на практике экономическое, социальное и политическое единство сообщества. В силу особенностей местной социально-политической культуры постоянная власть реализовывалась в форме патрон-клиентских отношений. Она была строго персонифицирована, т. е. реализована не в абстрактном титуле и привилегиях, а в статусе конкретного человека и мощи его авторитета. Такой субстанцией явился институт главы (*ахылапшыю*) сообщества, в отношении которого население *акыта* имело статус «покровительствуемого» (*хипшы*): «Ахылапшыю... есть принадлежность

²² Торнау 1999а, 468.

²³ Косвен 1935, 47.

²⁴ Гринин 2010, 114.

каждой общины (*акыта*). Звание это в некоторых фамилиях составляет родовую принадлежность и само собой всегда переходило в руки одного из многих не по старшинству, а по личному достоинству... Считаясь первым между равными ахылапшию собирал сходки для обсуждения мер к сохранению союза... принимал участие в устранении несогласий между хипшы, предводительствовал в набегах, когда обстоятельства требовали действий сообща, ходатайствовал перед владельцем о назначении народного суда по делам кровной мести и т. п.»²⁵.

Власть *ахылапшию* соответствовала сословному характеру *акыта*: все проживающие на ее территории вне зависимости от сословной принадлежности и статуса находились под его защитой и властью²⁶. В зависимости от сословной принадлежности, влияния своей фамилии и принятых в рамках сообщества норм его жители (то есть «покровительствуемые») несли те или иные повинности в пользу главы сообщества: отдавали некоторую часть урожая, продуктов животноводства, выполняли в его пользу работы или поручения. Повинности эти облекались в форму добровольных услуг (а зачастую и были таковыми). Их характер и объем не был строго фиксированным, а разнился в каждом конкретном случае.

Институт территориального *ахылапшию* как регулярная организационная субстанция был заметно востребован в жизни населения страны. Если в поселении после смерти *ахылапшию* ему на смену не появлялся достаточно эффективный преемник, жители поселения расходились и оно переставало существовать²⁷.

Звание территориального *ахылапшию* нельзя в полном смысле рассматривать как должность, т. е. формализованную иерархическую позицию. Это превращало бы *ахылапшию* в чиновника — элемент многоступенчатого и отделенного от населения бюрократического аппарата, коего в Абхазском владетельном княжестве не было. Правильнее рассматривать это как статус, который констатировал, что данный человек пользуется наибольшим влиянием в данном сообществе и в обмен на признание населением его первенства берет на себя функции его покровителя. Утверждение, легализация лидера в статусе *ахылапшию* сообщества осуществлялась неформальным путем, через добровольное принесение ему даров, обращение за помощью и демонстрацию почтения. Когда большая часть населения *акыта* начинала прибегать к этому в отношении определенного влиятельного человека, он становился *ахылапшию* данного сообщества. Как видно, и здесь имеет место нечто среднее между свободным выбором и необходимостью считаться с властью лидера.

Самостоятельным вариантом патрон-клиентских отношений в абхазском обществе XIX в. был институт княжеских представителей на местах — *ацнахума*. Выполняемые ими функции и образ жизни были таковы, что некорректно определять их как классическую феодальную дружину профессиональных воинов. Они не были четко отделены от остальной части населения ни в социальном смысле, ни в плане проживания. Их состав комплектовался из дворян, лично свободных крестьян²⁸ и даже иностранцев²⁹. *Ацнахума* не были сконцентрированы подле кня-

²⁵ Черепов 2012, 159.

²⁶ Черепов 2012, 160.

²⁷ Пахомов 2012, 481.

²⁸ Аверкиев 2005, 287; Селезнев 2011, 281; Синоков 2012, 106; Торнау 1999б, 467; Пахомов 2012, 446, 475.

²⁹ Торнау 1999б, 467; Пахомов 2012, 445, 448; Аверкиев 2005, 287.

зя, а проживали рассеяно по всей стране. Не были они оторваны и от производства, а вели у себя дома сходный с рядовым населением образ жизни. По сути, особенность *ацнахума* заключалась в форме повинности, которую они несли в пользу господина — не в хозяйстве, как рядовые крестьяне, а сопровождением в поездках, выполнением поручений, военной службой, а также контролировали исполнение распоряжений господина и повинностей в его пользу³⁰. Неслучайно современники отнесли их к «покровительствуемому элементу населения»³¹.

Данную категорию некорректно считать бюрократией: статус *ацнахума* не являлся обезличенной должностью. Не бывало *ацнахума* «вообще» как самовоспроизводящегося сословия наподобие дворян или крестьян, не бывало и *ацнахума* как регионально-отраслевого административной должности, аналогично приставам. *Ацнахума* — личный представитель определенного князя. Такая персональная привязка показывает, что это вариант патрон-клиентской связи, но основанный не на родстве или соседстве, а профессиональных мотивах — потребности князей в управлении через доверенных людей.

В силу своей природы патрон-клиентские отношения имеют свойство эволюционировать в патримониальное господство, когда подчиненные попадают в жесткую зависимость от воли господина. Однако как поле социальной игры такие отношения предполагали стремление самих клиентов-*хипшы* по максимуму использовать потенциал патрон-клиентской связи в своих интересах. Неизбежно возникала потребность в механизме, который:

а) обеспечивал сохранение статус-кво между патроном и клиентом, т. е. *ахылапцую* и *хипшы*, дабы их связь не превратилась в прямое подчинение;

б) позволял клиентам извлекать максимально возможную выгоду из своих связей с патроном.

Поскольку патрон-клиентские отношения предполагали определенную свободу выбора и инициативы для обеих сторон, а также практиковались в нескольких различных формах (родство, квазиродство, территориальное покровительство или личное покровительство), решение для клиентов было очевидным: обладать не одним, а множеством патронов и сочетать разные варианты покровительства. Так у абхазов сложилась своеобразная социальная практика, при которой один клиент одновременно был связан с несколькими патронами. Для ее обозначения предлагаю термин *полипатронат*³².

Полипатронат являлся механизмом удержания социума на низком уровне вертикальной стратификации. Всякий патронат предполагает обоюдную выгоду. А данная его разновидность, *полипатронат*, еще и предоставляла клиенту инициативу в выборе патрона в зависимости от задуманного им дела, а также использовании покровительства одного патрона в целях защиты от деспотии другого. Благодаря этому, в отличие от классического патроната, при *полипатронате* отсутствует монополия одного господина на покровительство в отношении конкретного человека. Отношения патрон — клиенты заменяются отношениями множество патронов — множество клиентов. Вместо четко зафиксированных социальных

³⁰ Пахомов 2012, 449; Журнал заседаний сухумской сословно-поземельной комиссии 2012, 584.

³¹ Краевич 2012, 539; Кишельский 2012, 92; Старосельский, Воронов 2012, 552.

³² Образован путем добавления к термину «патронат» приставки «поли» — от греческого «πολύς» - многих, многочисленный.

позиций каждая сторона *полипатронатных* отношений получала определенное пространство для маневра, в пределах которого отстаивала свои интересы. Лидеры конкурировали между собой за покровительство над наибольшим количеством клиентов и стремились прочнее привязать их к себе через личные обязательства. Каждый клиент стремился заручиться благосклонностью как можно большего числа патронов, в результате чего их влияние на него взаимно блокировалось, а его социальная позиция усиливалась: «Если подвластный какому-нибудь дворянину, состоящему, в свою очередь, в зависимости у патрона высшего разряда, получил бы на воспитание сына последнего (аталычество—С. П.), то считал бы себя уже совершенно независимым от подвластности своему непосредственному владельцу и был бы уже свободен в отношении обоих своих патронов... На основании этого правила, чей бы подвластный не был анхайве, воспитатель члена абхазского владетельного дома, - он делался уже свободным»³³. Таким образом, *полипатронат* позволял человеку укрепить собственную самостоятельность, расширить диапазон своих возможностей через вхождение в сети доверия не одного, а множества лидеров. Тут уместно вспомнить, что «гибкость социальной системы определялась большим количеством корпоративных объединений, к которым в случае необходимости мог апеллировать человек»³⁴.

Значение *полипатроната* как механизма, ограничивающего глубину социального расслоения, явно видна по тому, что потребность в нем зависела от степени социальной защищенности. Чем уязвимее было социальное положение человека, тем большим количеством покровителей он стремился обзавестись: «Некоторые же из них (крестьян — С.П.) имели по три, четыре и даже более... приемных ахупха (знатных воспитанников — С.П.). Только наиболее сильные представители влиятельных крестьянских родов, которые даже пытались соперничать с некоторыми дворянами, могли считать все это для них не обязательным»³⁵.

С другой стороны, *полипатронат* служил механизмом сохранения целостности патронов и клиентов как обособленных социальных групп. Будучи вертикальным вариантом связи отдельных персон, а не коллективов, патрон-клиентские отношения подрывают внутренние связи, а значит целостность участвующих социально-политических групп, прежде всего подчиненной — клиентов³⁶. *Полипатронат*, бытовавший у абхазов, стабилизировал их положение, позволяя клиенту сохранить связи с равными себе по социальному положению и образу жизни людьми, а не полагаться на одного-единственного покровителя.

В этом смысле описываемый феномен выглядит как реакция общества на развитие социального неравенства, которое препятствовало попаданию клиента под полный контроль патрона, лишая последнего монополии на единоличную протекцию. В результате за счет *полипатроната* в абхазском обществе не произошло расщепление сословий и коллективов (родственных и соседских) на частные патронаты. Складывалась ситуация, когда клиент, то есть *хипшы* в широком значении этого термина, а не патрон (покровитель — *ахылапшыу*) являлся стабильным началом, социальным ядром, вокруг которого выстраивалась система патрон-кли-

³³ Шатилов 2012, 75.

³⁴ Новожилова 1999, 34.

³⁵ Инал-ипа 1956, 74.

³⁶ Eisenstadt, Roniger 1984, 49.

ентских отношений. Именно поэтому инициатива в налаживании таких столь часто в абхазской жизни принадлежала (да и принадлежит в наши дни) клиентам — лицам, находящимся в подчиненном положении.

Подводя итог обзора патрон-клиентских отношений в абхазском обществе XIX в., можно охарактеризовать их как вариант реализации властных отношений, закрепляющий социальные позиции правящего класса и массы подвластных, препятствуя расширению дистанции между ними, а значит — установлению жесткой иерархической модели подчинения и эксплуатации или наоборот — полной свободе и анархии. Неслучайно взаимные обязательства патрона и клиента у абхазов были жестко закреплены: «при всем разнообразии повинностей, нормы их для каждого дома постоянны и не могут лежать произвольному изменению ни с той, ни с другой стороны. Патрон не может по своему произволу увеличить, зависящий - уменьшить лежащие на дыме повинности»³⁷.

Это неизменная черта властных отношений, оформленных в виде патриархальной связи, когда господин и подвластные не отчуждены друг от друга, а уподоблены семье, где лидер не чуждый тиран, но «отец», пусть и суровый и эгоистичный, но ответственный за своих «чад» — т. е. подвластных. Патрон и клиент обоюдно были связаны долгом взаимопомощи, даже если это предполагало риск для жизни: «помещик помогал анхайве делать нападение и мстить за кровомщение, как равно и анхайве обязан в свою очередь помогать в таком случае и помещику»³⁸.

Так проявлялась глубокая взаимозависимость правящего и подчиненного слоев общества, каждый из которых не мог, опираясь лишь на собственные силы и за счет противоположной стороны, установить приемлемый социальный порядок. Из этого вытекала нужда в сотрудничестве, предполагающем обязательство сторон и обоюдную выгоду. В структурном смысле это означает, что социальные силы, олицетворяющие иерархический (элитарный) и горизонтальный (эгалитарный) варианты интеграции общества, находились в состоянии стабильного равновесия и взаимосвязи, порождая переходные варианты социальных связей, которые невозможно строго отнести ни к иерархическому, ни к горизонтальному типу. Вспомним: социальный состав категорий патронов и клиентов был смешанным, а сами патрон-клиентские связи позволяли клиентам укрепить своего положение в обществе. Это верный показатель того, что социальная иерархия в абхазском обществе, спроецированная на взаимоотношения двух конкретных персон, не была абсолютной, жестко закрепленной, а могла меняться согласно социальному контексту³⁹.

ЛИТЕРАТУРА

Аверкиев И. С. 2005: С северо-восточного побережья Черного моря. 1866 // Абхазия и абхазы в российской периодике. I, 285-291.

Афанасьев М. Н. 2004: Клиентизм: историко-социологический очерк // Восток. 4(16). [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_383.htm.

³⁷ Краевич 2012, 547.

³⁸ Баратов 1962, 162.

³⁹ Бондаренко 2007, 143.

- Барсукова С. Ю.* 2001: Вынужденное доверие сетевого мира. // Полис. 2, 52-60.
- Баратов С.* 1962: Сведения об отношениях в Абжывском округе подвластных крестьян к своим помещикам // Труды Сухумского педагогического института. Вып. XV, 159-163.
- Бобровников В. О.* 2002: Берберы (XIX — начало XX вв.) // Цивилизационные модели политогенеза/Д.М.Бондаренко, А. В. Коротаев (ред.). М., 198-217.
- Бондаренко Д. М.* 2007: Сложности со «сложностью». Гетерархия, гомоархия и категориальные расхождения между социальной антропологией и синергетикой. // Общественные науки и современность. 5, 141-149.
- Гринин Л. Е.* 2010: Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. М.
- Журнал заседаний сухумской сословно-поземельной комиссии 2012 // Материалы по истории Абхазии XIX в. Т. III. Сухум, 583-584.
- Инал-ипа Ш. Д.* 1956: Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. XXVII, 71-125.
- Карпов Ю. Ю.* 2011: Вождь и народ: горско-кавказская редакция отношений. // Лидерство в архаике: условия и формы проявления / М.Ф.Альбедиль, Д. Г. Савинов (ред.). СПб., 118-129.
- Кишельский И.* 2012: Ответы на вопросы, предложенные кутаисским генерал-губернатором Д. Святополк-Мирским начальнику Абжуйского округа и управляющему Самурзаканью. 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. III, 92-95.
- Косвен М. О.* 1935: Аталычество // Советская этнография. 2, 41-61.
- Кубель Л. Е.* 1988: Очерки потестарно-политической этнографии. М.
- Краевич П. Д.* 2012: Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. 1869 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Т. III, 533-550.
- Новожилова Е. М.* 1999: Тайные союзы в старом Калабаре как институт консолидации городского сообщества. // Африка: общества, культуры, языки / И. В. Следзевский, Д. М. Бондаренко (ред.). М., 33-37.
- Пахомов А. В.* 2012: Объяснительная записка управляющего именьями Г. Чачба-Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова в сухумскую поземельную комиссию. 1868 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. III, 415-514.
- Пигарь С. С.* 2014: Формы территориально-политической самоорганизации абхазов в XVIII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 3, 117-127.
- Селезнев М. А.* 2011: Руководство к познанию Кавказа. 1847 // Материалы по истории Абхазии XIX в. II, 276-282.
- Синоков* 2012: Ответы на вопросы, предложенные кутаисским генерал-губернатором Д. Святополк-Мирским начальнику Бзыбского округа. 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. III, 104-110.
- Старосельский Д. С. Воронов Н. И.* 2012: Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани. 1870 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. III, 551-569.
- Торнау Ф. Ф.* 1999а: Воспоминания кавказского офицера, 1835 год. ч. I 1864 г. // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Торнау. Нальчик, 41-176.
- Торнау Ф. Ф.* 1999б: Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния. 1835 г. // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик, 465-470.
- Черепов А. П.* 2012: Краткие заметки титулярного советника о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии. 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. III, 154-171.

Шамилов П. 2012: Рапорт начальника Сухумского военного отдела кутаисскому генерал-губернатору Д. Святополк-Мирскому. 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. III, 72-76.

Eisenstadt S.N., Roniger L. 1984: Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge.

Wolf E. 1966: Kinship, Friendship and Patron-Client Relations in Complex Societies // Social Anthropology of Complex Societies. L.

ABKHAZIANS PATRON-CLIENT RELATIONSHIPS IN THE 19th CENTURY

S. S. Pigar

The paper work is aimed to study a typical variant of leadership realization for the traditional mountain-Caucasian society. It was supposed to be an implementation of power relations, which involved the close cooperation of leaders and vassals and was an alternative to the bureaucratic governance structure.

Key words: Caucasus, Abkhazia, patronage, social relationships

© 2015

Проблемы истории,
филологии, культуры
2015, №4, с. 195–205

Г. Н. Гарустович

БАШКИРСКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ УЛУСА ДЖУЧИ

*Поскольку теперь именно он толковал...
ясу и обычаи, противоречить наследнику
Джучи никто не решился...*

Р. Ю. Почекаев

Автор статьи рассматривает вопрос о статусе земель Башкортостана в пределах Монгольской империи в XIII веке. Вождь племени усерган — Муйтен-бий, в стане владетеля улуса Джучи — «хана» Бату, в начале 1236 г. добровольно признал свою зависимость от монголов; за что был назначен завоевателями верховным бием башкир. Анализ письменных источников показывает, что в составе Золотой Орды территория Башкортостана была разделена на две части, граница между которыми проходила по линии Уральского хребта. Области Предуралья составили отдельный Башкирский улус; а территории лесостепи Зауралья (вплоть до рек Ишим и Иртыш) были включены в улус Шибана. В рамках улуса Шибана башкирские области Западной Сибири получили наименование «Тура», и управлялись они не только местными башкирскими биями, но и представителями золотоордынского чиновничества (также ставшие

Гарустович Геннадий Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: garustovich03@mail.ru